

Цинхуань тут же откликнулась, аккуратно закрыла крышку курильницы, убрала щипцы и другие инструменты, затем заменила коробочку с благовониями из бамбука на ту, что содержала аромат груши, и осторожно поставила ее рядом с курильницей. Только она поднялась, как снаружи раздался стук в дверь, и нежный женский голос произнес:

— Господин, Цинь-эр просит аудиенции.

Услышав голос Ху Цинь-эр, Гу Чжису сразу понял, что она пришла с важным сообщением. Он отложил книгу, его взгляд сверкнул:

— Войдите.

Ху Цинь-эр, открыв дверь, встретилась с Цинхуань, прошла мимо нее, закрыла дверь и тут же направилась за ширму, где опустилась на колени перед Гу Чжису, стоящим у курильницы, и низко поклонилась, прежде чем начать доклад.

— Господин, сегодня из покоев старой госпожи пришло известие, что в доме клана Гу будет построен семейный храм, где старшая дочь сможет жить как монахиня, не покидая дома, вместо того чтобы быть отправленной в родовой храм за пределами усадьбы.

— Жить как монахиня в доме?

Такой необычный план мог прийти в голову только кому-то очень изобретательному.

Однако, по его мнению, это не было идеей старой госпожи или Гу Вэньмяня, не говоря уже о второй и третьей женах. Эти две женщины, долгое время находившиеся в тени Гу Хайтан, теперь, когда та оказалась в таком положении, вероятно, лишь внешне сохраняли приличие, но втайне мечтали избавиться от нее, чтобы продвинуть своих дочерей. Поэтому, скорее всего, эта идея принадлежала госпоже Синь.

Гу Чжису уже сделал выводы, но его лицо оставалось невозмутимым, и он спокойно спросил:

— Кто предложил этот план?

— Говорят... это стало известно после того, как распространилась новость о беременности княгини. Идея появилась из Двора Линьцзян, — тут же ответила Ху Цинь-эр. — Врач сказал, что из-за сильных эмоций беременность княгини на ранних сроках нестабильна, и старшая дочь пообещала князю, что будет заботиться о матери до родов, а затем покинет дом, не пытаясь найти предлог остаться. Князь и старая госпожа поверили ей и согласились на строительство даосского храма в усадьбе для старшей дочери.

— Обещания — это одно, а беременность длится десять месяцев. К тому же есть еще Гу Хайчао, который, хотя и не вернулся в дом, все еще влияет на всех. Когда он вернется, ситуация может измениться, — с насмешкой произнес Гу Чжису, поставив чашку на стол и направившись к ширме. Его пальцы коснулись изображения чернильных гор, а голос стал еще более холодным и бесстрастным. — Матери нужно десять месяцев, чтобы родить... За это время она сможет придумать идеальный план, чтобы очистить имя Гу Хайтан. Хотя она больше не сможет выйти замуж за члена королевской семьи, любой из знатных родов Минду будет рад жениться на старшей дочери князя И, даже если она уже не девственница.

Ху Цинь-эр, услышав его голос, который, казалось, не изменился, но все же заставлял ее дрожать, еще ниже склонила голову. После вчерашних событий она полностью изменила свое мнение о господине, который, казавшийся слабым, на самом деле был хитрым и расчетливым,

и теперь испытывала к нему глубокое уважение:

— Если господин даст указания, я исполню их без промедления.

— Встань. Пока тебе нечего делать, — Гу Чжису, заметив искреннюю почтительность в ее голосе, смягчился и тихо добавил. — Я уже поручил Юэ Я одно дело. Ты можешь пока отдохнуть, мне нужно подумать.

Ху Цинь-эр, поклонившись, уже собиралась уйти, но вдруг остановилась, нерешительно обернулась и, глядя на тень за ширмой, неуверенно произнесла:

— Господин... у меня есть вопрос, но я не знаю, стоит ли его задавать.

Гу Чжису удивился, но, зная, что она не станет говорить просто так, ответил:

— Говори, не скрывай.

Ху Цинь-эр глубоко вдохнула и спросила:

— Осмелюсь спросить, господин, вы сегодня поменяли благовония?

Гу Чжису, ожидавший, что она заговорит о чем-то важном, слегка опешил, но затем взглянул на курильницу у своих ног. Он почти сразу почувствовал что-то неладное, но не отстранился, а спокойно посмотрел на поднимающийся дым и кивнул:

— Да, Цинхуань только что принесла их от матушки Минь. В чем дело?

— Я заметила этот аромат, как только вошла, и узнала запах груши. Я не почувствовала ничего подозрительного, но, должен признаться, вчера господин поручил Юэ Мэй приготовить для Вас благовония с ароматом груши, и их запах отличается от этого. Поэтому мне показалось странным.

Ху Цинь-эр говорила очень серьезно, но, произнося имя Юэ Мэй, слегка замешкалась. Ее слова заставили Гу Чжису на мгновение задуматься, прежде чем он ответил:

— Господин, могу ли я осмотреть эти благовония?

— Конечно.

Гу Чжису отступил в сторону, позволив ей войти за ширму. Она опустилась, открыла курильницу, погасила горящие благовония щипцами, затем достала из рукава платок, завернула оставшиеся благовония и зажгла новые, на этот раз с тонким ароматом алоэ, который успокаивал и приносил облегчение.

С новым ароматом Гу Чжису слегка вздохнул с облегчения, задумчиво глядя на чашку, и через некоторое время тихо спросил:

— Ты сказала, что он поручил приготовить новые благовония специально для меня?

Ху Цинь-эр, услышав это, словно испугалась, и, повернувшись, снова опустилась на колени, нерешительно проговорив:

— Пожалуйста, простите мою дерзость, но я прошу Вас временно скрыть, что Вы знаете об этом. Эти благовония были подарком, который господин хотел преподнести Вам...

— Я понимаю. Ты хорошо справилась, я сохраню твою тайну.

Услышав слово «подарок», Гу Чжису невольно смягчился, его пальцы нежно коснулись чаши из белого нефрита с цветком груши, а на губах появилась мягкая улыбка. На этот раз даже его глаза сияли, отражая солнечный свет, словно в них мерцали звезды.

Ху Цинь-эр, случайно взглянув на него, была поражена его лицом, озаренным мягким светом, и на мгновение потеряла дар речи. С трудом вспомнив о чувствах своего господина к нему, она опустила голову и больше не осмеливалась смотреть, терпеливо ожидая, пока Гу Чжису, долго молчавший, наконец спросит:

— А что насчет благовоний с ароматом груши... Юэ Мэй уже приготовила новые?

Ху Цинь-эр, едва успокоившись, но испытывая еще большее уважение к Гу Чжису, с легкой доверчивостью, характерной для молодой девушки, нахмурилась и спросила:

— Господин, Вы хотите получить их сейчас? Но Юэ Мэй еще не закончила, и господин тоже...

На этот раз, не дожидаясь окончания ее слов, Гу Чжису спокойно повернулся и, глядя мимо нее на курильницу, тихо произнес:

— Я хочу сказать, что эти благовония прошли через руки матушки Минь, Цинхуань и оказались здесь, в моем Дворе Жунли, чтобы быть зажженными. Все должно было быть идеально, но что-то пошло не так.

Ху Цинь-эр, услышав это, вздрогнула, и на лбу выступил пот. Гу Чжису же улыбался, словно ничего не беспокоило, но его взгляд стал все более мрачным:

— Если бы в моем дворе, как раньше, не было вас, присланных им, я бы, наверное, попал в ловушку, не так ли?

Ху Цинь-эр, услышав это, глаза ее загорелись:

— Господин, Вы хотите выманить змею из норы?

— Именно так, — Гу Чжису, вспомнив о подвеске, которую он передал Ху Я, улыбнулся, но его голос был холоден и бесстрастен. — Поэтому главное — не спугнуть змею.

Четвертое обновление дня

<http://bllate.org/book/16652/1525815>